

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-46-54

УДК 94

М.А. Ковалёв

Владимирский государственный университет

им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,

600000 г. Владимир, Российская Федерация

Санкт-Петербургский институт истории

Российской академии наук,

197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Британский путешественник Ч. Макфарлейн о «мягкой» и «жесткой» силе в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Российская империя, получив выход к Черному морю, получила возможность оказывать влияние на Балканы, используя статус крупнейшей поместной православной церкви. Британия со своей стороны использовала ресурс нарождавшегося тогда востоковедения в качестве инструмента «мягкой силы». В статье проанализированы взгляды на потенциал в этом отношении одного из членов Королевского Азиатского общества Ч. Макфарлейна, неоднократно посещавшего Турцию во второй четверти XIX в. Согласно его наблюдениям, сообщество православных греков Османской империи не сыграло роль «мягкой силы» в русско-турецких отношениях. Напротив, вторжение императорской армии спровоцировало рост исламского фанатизма и привело к волне насилия в отношении этноконфессиональных меньшинств. Сами же православные греки стремились скорее интегрироваться в мозаичную социальную структуру Турции, нежели формировать альтернативный полюс. Макфарлейн видит причину такой позиции в непривлекательности имиджа Российской империи даже для единоверцев Ближнего Востока, а также в ее слабости.

Ключевые слова: Ч. Макфарлейн, Королевское Азиатское общество, «мягкая сила», Русско-турецкая война 1828–1829 гг., ориентализм, Греческая революция, Махмуд II

© Ковалёв М.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Благодарности. Исследование выполнено в Санкт-Петербургском институте истории Российской академии наук при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-18-00670, <https://rscf.ru/project/25-18-00670/> (проект «Российская политика “мягкой силы” и Османская империя XVIII – начала XX в.: поиск альтернативы военного противостояния»).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ковалёв М.А. Британский путешественник Ч. Макфарлейн о «мягкой» и «жесткой» силе в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 46–54. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-46-54

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-46-54

M.A. Kovalyov

Vladimir State University,
Vladimir, 600000, Russian Federation
St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, 197110, Russian Federation

The British traveler Charles MacFarlane on the “soft” and “hard” forces in the Russian-Turkish War of 1828–1829

Having gained access to the Black Sea, the Russian Empire got the opportunity to influence the Balkans, using the status of the largest local Orthodox Church. Britain, for its part, used the resource of the nascent Oriental studies as a tool of “soft power”. The article analyzes the views of one of the members of the Royal Asiatic Society, Charles MacFarlane, who repeatedly visited Turkey in the second quarter of the 19th century. According to his observations, the community of Orthodox Greeks of the Ottoman Empire did not play the role of a “soft power” in Russian-Turkish relations. On the contrary, the invasion of the Imperial army provoked an increase in Islamic fanaticism, which led to a wave of violence against ethnic and religious minorities. The Orthodox Greeks themselves sought to integrate into the mosaic social structure of Turkey rather than form an alternative pole. MacFarlane sees the reason for this position in the unattractiveness

of the image of the Russian Empire, even for the co-religionists of the Middle East, as well as its weakness.

Key words: Charles MacFarlane, Royal Asiatic Society, “soft power”, Russian-Turkish War of 1828–1829, orientalism, Greek Revolution, Mahmud II

Acknowledgments. The study was carried out at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00670, <https://rscf.ru/project/25-18-00670/> (project “The Russian Policy of “soft power” in the Ottoman Empire in the 18th to the beginning of the 20th century: Searching for an alternative to military confrontation”).

FOR CITATION: Kovalyov M.A. The British traveler Charles MacFarlane on the “soft” and “hard” forces in the Russian-Turkish War of 1828–1829. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 46–54. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-46-54

Русско-турецкие войны вряд ли можно отнести к малоизученным историческим процессам. Вместе с тем, имперская история в современных гуманитарных исследованиях подвергается серьезному пересмотру. С этой точки зрения пристального внимания заслуживает и российская экспансия в Причерноморье, пик которой приходится на царствование Николая I.

Но не только вооруженное, дипломатическое, торгово-экономическое противостояние двух держав привлекает внимание историков. Разработанная еще в 1990-е гг. концепция «мягкой силы» как формы культурного влияния и позитивного образа страны за рубежом [3, с. 6] позволяет уточнить и кое-где по-иному взглянуть на характер, темпы продвижения и потенциал России на столь непростом для нее направлении внешнеполитической активности. Согласно Э. Саиду, продвижение интеллектуалов на восток (в российском случае – на юг) с целью экспертного изучения иных культур и социумов следует понимать как способ колонизации. Ведь Восток, как писал еще Б. Дизраэли, есть профессия [9, с. 28, 31].

Сложность для нашей страны в этом отношении состояла в том, что Османская империя уже была «открыта» Западом. Как для Запада, так и для России Восточное Средиземноморье представляло помимо прочего и культурный интерес. Одних привлекал блеск Эллады, другие видели в Византии колыбель православия и «матрицу» собственной империи. Тем сложнее оказывалось переплетение культурно-исторических пластов, каждый из которых актуализировался конкретным политическим субъектом в особых условиях и с определенной целью.

Сведения путешественников эпохи Просвещения, посещавших Ближний Восток, таких как М. Уортли-Монтегю, оставались неполными, непрофессиональными, в целом носили характер личных записок [15, р. 225]. На рубеже XVIII–XIX вв. ситуация сдвинулась с мертвой точки. Во-первых, благодаря Египетской экспедиции Наполеона, во-вторых, Британия проложила путь к исследованию Турции через Индию.

В 1823 г. основывается Королевское Азиатское общество, среди членов которого – коммерсанты, колониальные чиновники, английские землевладельцы. Оно начало издавать с 1834 г. собственный «Журнал», проблематика которого концентрировалась вокруг религий, обычаев и искусства народов Востока¹. Один из членов этого общества, шотландец Чарльз Макфарлейн (1799–1858) известен более всего как путешественник и писатель. После отъезда из Англии в 1816 г. он смог оказаться на родине лишь в феврале 1829 г. Много вояжей осуществил он и впоследствии. Кампанию 1828 г. Макфарлейн застал в Турции, сначала в Смирне, затем – в Константинополе [14, р. 74].

Можно сказать, что он представляет британский взгляд на стратегии российской мягкой и жесткой силы в «восточном вопросе» и возможности их сочетания. В последние годы вышел ряд работ, в т.ч. и наших, где данная тема затронута с позиции имагологии [1; 4–7; 10; 11]. К недостаткам таких исследований нужно отнести их неполноту, проистекающую из избирательности анализируемых источников. Правда, трудность эту сложно преодолеть из-за широты темы и обилия материалов по ней. Показательной здесь является монография Н.П. Танышиной, где на основе изучения отдельных антироссийских памфлетов сконструирована теория об исключительно русофобском характере общественного сознания британцев второй четверти XIX в. [12, с. 267–270, 273–274]. Надо заметить, что даже зарубежные классики изучения феномена русофобии применяли тот же метод «ножниц и клея» [13]. Куда более продуктивным подходом нам представляется выявление плюрализма существовавших точек зрения.

Прежде всего, Макфарлейн представляет свой труд – «Константинополь в 1828 году», вышедший по горячим следам, как научное исследование. Отдавая должное своим предшественникам, таким, как Т. Торнтон и Р. Уолш, он все-таки замечает, что в популярном представлении Турция остается сказочной страной. Не питает автор никаких иллюзий и по поводу собственной беспристрастности. Тем не менее, положение очевидца, а также использование сведений, представленных влиятельными в османской столице и провинции людьми, делают сочинение

¹ Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Vol. 1. L., 1834.

Макфарлейна своего рода «полевым исследованием»². Среди его информаторов – британские купцы, дипломаты, влиятельные представители армянской диаспоры, местные чиновники. Главным из них, по признанию автора, был Константин Зохраб – сын турецкого дипломата армянского происхождения, шурин упомянутого Торнтона, деловой партнер британского генерального консула в Константинополе Дж. Картрайта. Зохраб не раз бывал в Англии, Франции и России³.

Упоминаний о русских, не считая военных и политиков, у Макфарлейна немного. Проживая в Смирне, он застал прибытие туда паломников из России, которые направлялись в Палестину. Бородатые, одетые в овечьи шкуры и в огромных сапогах, они напоминали скорее мусульманских дервишей, чем представителей христианской страны. Прекрасно вписываясь в местный колорит, они не подвергались никакому насилию в условиях разгула ксенофобии. Бывали случаи, когда греки эвакуировали земляков из Смирны на торговых кораблях под русским флагом, используя авторитет могучего государства-соседа как прикрытие.

Сражение в Наваринской бухте 8 октября 1827 г., приведшее к разгрому карательной египетской эскадры, воодушевило православных подданных султана. Макфарлейн передает слухи, будто греки в лодках подплывали к русскому фрегату, вошедшему в Смирну, и, окуная пальцы в воду, совершали крестное знамение. Впрочем, полагает писатель, они смотрели на всех врагов Турции как на мстителей⁴.

Чтобы ознакомиться с мнениями представителей разных социальных групп, Макфарлейн посещал провинцию. Во время своего визита в город Нимфей писатель гостил у православного епископа. Выкурив трубки, они пообщались на актуальные политические темы. Все присутствовавшие греки, как выяснилось, ненавидели мусульман и считали войну с Россией неизбежной. Более того, высказывалась идея изгнания турок с европейского континента (при том что Нимфей, как и Смирна, располагался в Малой Азии). Однако представления собеседников о могуществе Османской империи оказались фантастически преувеличенными. По их словам, население Порты превосходило по численности всю Европу и Россию⁵.

Мог ли петербургский властитель подкрепить надежды пророссийски настроенных подданных султана? Военные историки полагают, что

² MacFarlane Ch. Constantinople in 1828. A residence of sixteen months in the Turkish capital and provinces. L., 1829. P. VII–IX.

³ Ibid. P. X.

⁴ Ibid. P. 29, 127.

⁵ Ibid. P. 234–235.

военная кампания 1828 г. была проведена далеко не блестяще [2, с. 384]. Ведь Турция оказалась в тот момент совершенно не готова к войне. В 1826 г. Махмуд II распустил янычар, затеял реорганизацию центральных органов власти, системы образования, землевладения, финансов [8, с. 23–26]. Гарнизоны крепостей были недоукомплектованы, редуты не везде приведены в порядок. На Балканах продолжалась Греческая революция, в центре росла оппозиция султану-реформатору. Хотя массы воспринимали российское вторжение апатично, в правящей элите существовало мнение, что без поддержки европейских держав царские войска будут разгромлены. Некомпетентное руководство П.Х. Витгенштейна было оценено и по ту сторону фронта.

Макфарлейн приводит любопытную историю о гадании на исход войны при султанском дворе. Несмотря на официальное исповедание ислама, послали за известным колдуном. Тот принес четырех петухов, обозначавших Турцию, Россию, Англию и Францию. «Турецкого» петуха посадили в центр беседки, потом запустили остальных. «Турция» вышла победителем в драке. С «Россией» же обошлись жестоко: птице сломали крыло. Гадание истолковали в том духе, что страны Запада не станут вмешиваться, и султан одолеет противника⁶.

Православная церковь, как наиболее влиятельная институция, связанная с российской «мягкой силой», подверглась репрессиям еще до войны. Патриарха Григория V по подозрению в сотрудничестве с повстанцами низложили и повесили без суда. А один из его преемников вынужден был подчиниться приказу Махмуда II составить молитву на новогреческом языке с осуждением противников Турции и даже одобрить ее публикацию в патриаршей печати.

Макфарлейн объясняет подобные акции всплеском исламского фанатизма. В случае успеха России в войне, как он полагает, последняя битва турок за свою столицу превратилась бы в жуткое побоище, затмив восстания иудеев против римского владычества: «я не представляю, что Константинополь можно взять... не превратив город в дымящиеся руины», – резюмирует он⁷.

С начала июня 1828 г. (война началась в апреле) в мечетях читаются султанские указы – хатт-и-шерифы. В них все христиане, «франки», назывались врагами. Население, испуганное войной, активно впитывало пропаганду: турки готовились к самопожертвованию, одобрительно отзывались о практике отрезания ушей у русских пленных. Последний

⁶ MacFarlane Ch. Constantinople in 1828. A residence of sixteen months in the Turkish capital and provinces. L., 1829. P. 262–265.

⁷ Ibid. P. 273–274, 284–285.

обычай, кстати, безуспешно пытался запретить сам властитель Османской империи. Ходили слухи, что русские солдаты насаживают своих противников на штык по двое, как мясо для кебаба. Идеологическая обработка подкреплялась репрессиями. Британец приводит пример, как одного продавца щербета, ранее уже побывавшего в русском плену, повесили у дверей собственной лавки за «пораженческие» высказывания⁸.

Российское вторжение спровоцировало у населения Османской империи панику и эскалацию этнических конфликтов. Христианские народы, ее населявшие, не смогли сыграть роль посредника или буфера, а оказались заложниками политических интересов.

О слабости российских позиций на захваченных землях Макфарлейн высказывается достаточно прямо. Он полагает, у императора нет шансов закрепиться на территориях с преобладающим мусульманским населением. Ведь «правовверные» султана – люди совсем иного склада, нежели татары Бессарабии и Крыма. Самое же лучшее теперь для русской армии, утверждает писатель, форсировать Балканы, закрыв глаза на потери и заняв Адрианополь. Оттуда можно продиктовать султану почетные условия мира и уйти восвояси. Лишь так можно спасти честь русского мундира.

Немалое значение в контексте рассмотрения мягкой силы имеет и позитивный имидж государства. Турецкая армия в 1820–1830-е гг. модернизировалась по французскому образцу, привлекались европейские специалисты (например, пьемонтец Калоссо). Российские же вооруженные силы, очевидно, не составляли для османов предмета подражания. Макфарлейн отмечает грязь и беспорядок на русских кораблях, но, вместе с тем, и хорошую оснастку судов. Указывает на злоупотребления и дезорганизацию в интендантском ведомстве, о коих поведал ему пленный русский офицер на о. Халки. Храбрость же российских моряков никак не могла компенсировать их неопытность⁹.

Крайне невпечатляюще, по собственному признанию автора, выглядела и турецкая армия, прохождение которой через Константинополь он застал. У иррегулярных войск даже ятаган был редок – сражались они копьями. Регулярные же части (Низам-и-джедид, войско Нового образца), созданные вместо янычар, по сути, состояли из подростков. Красочная деталь: «их провожали зловещие взгляды христиан», как выразился шотландец. И все же довелось ему увидеть и элитную кавалерию, чьи латы заставляли «вспомнить Вальтера Скотта»¹⁰.

⁸ MacFarlane Ch. Constantinople in 1828. A residence of sixteen months in the Turkish capital and provinces. L., 1829. P. 277–278, 283–284.

⁹ Ibid. P. 128, 371, 385.

¹⁰ Ibid. P. 263, 377–378.

Вряд ли правомерно утверждать, что мягкая сила России сыграла сколь-нибудь заметную роль в недопущении конфликта или его смягчении. Напротив, две архаичные по своей социальной структуре и политическому профилю империи стремились манипулировать этноконфессиональными сообществами в узких политических целях. Даже беглый обзор армий обеих стран демонстрирует читателю как будто зеркальное отражение. По крайней мере, так представлялось британскому писателю, путешественнику, ученому Чарльзу Макфарлейну. В силу собственных научных интересов он попытался выявить и проанализировать процессы культурного взаимодействия в мозаичном пространстве Османской империи.

Библиографический список / References

1. Гелла Т.Н. Образ России в политической риторике британских парламентариев в период Восточного кризиса 70-х годов XIX века // «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020. С. 256–274. [Gella T.N. The image of Russia in the political rhetoric of British parliamentarians during the Eastern Crisis of the 1870s. «Svoi» i «Drugie». Vzaimodejstvie i vospriyatie kultur Zapada i Rossii. St. Petersburg, 2020. Pp. 256–274. (In Rus.)]
2. Епанчин Н.А. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. 1. СПб., 1905. [Epanchin N.A. Ocherk pohoda 1829 g. v Evropejskoj Turcii [An outline of the 1829 campaign in European Turkey]. Part 1. St. Petersburg, 1905.]
3. Жесткая и мягкая сила британского льва. Из истории колониальной политики. СПб., 2024. [Zhyostkaya i myagkaya sila britanskogo lva. Iz istorii kolonialnoj politiki [The hard and soft power of the British lion. From the history of colonial politics]. St. Petersburg, 2024.]
4. Жолудов М.В. Великобритания и Россия: Особенности дипломатической риторики накануне Крымской войны // «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020. С. 198–210. [Zholudov M.V. Britain and Russia: Features of diplomatic rhetoric on the eve of the Crimean War. «Svoi» i «Drugie». Vzaimodejstvie i vospriyatie kultur Zapada i Rossii. St. Petersburg, 2020. Pp. 198–210. (In Rus.)]
5. Жолудов М.В. Русофобия в Великобритании XIX века: государство и общество // «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2019. С. 334–347. [Zholudov M.V. Russophobia in 19th century Britain: State and society. «Svoj»/«Chuzhoj» v kross-kulturnyh kommunikacijah stran Zapada i Rossii. St. Petersburg, 2019. Pp. 334–347. (In Rus.)]
6. Ковалёв М.А. Внешняя политика Екатерины II в оценке путешественника Э. Суинтона // «Свои»/«Другие»/«Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021. С. 215–233. [Kovalyov M.A. Catherine II's foreign policy as E. Swinton assesses it. «Svoi»/«Drugie»/«Chuzhie»: iz istorii vzaimodejstviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii. St. Petersburg, 2021. Pp. 215–233. (In Rus.)]
7. Лабутина Т.Л. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. в освещении британского посла Клавдия Рондо // «Свои»/«Другие»/«Чужие»: из истории

- взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021. С. 139–169. [Labutina T.L. The Russo-Turkish War of 1735–1739 as described by the British ambassador Claudius Rondeau. «Svoi»/«Drugie»/«Chuzhie»: iz istorii vzaimodejstviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii. St. Petersburg, 2021. Pp. 139–169. (In Rus.)]
8. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М., 1993. [Petrosyan I.E., Petrosyan Yu.A. Osmanskaya imperiya: reform i reformatory (konec XVIII – nachalo XX v.) [The Ottoman Empire: Reforms and reformers (late XVIII – early XX centuries)]. Moscow, 1993.]
 9. Саид Э. Ориентализм. СПб., 2016. [Said E. Orientalizm [Orientalism]. St. Petersburg, 2016.]
 10. Смирнова И.Ю. Британо-российское противостояние во второй половине XIX века: миссионерский аспект // «Свои»/«Другие»/«Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021. С. 340–360. [Smirnova I.Yu. British-Russian confrontation in the second half of the 19th century: The missionary aspect. «Svoi»/«Drugie»/«Chuzhie»: iz istorii vzaimodejstviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii. St. Petersburg, 2021. Pp. 340–360. (In Rus.)]
 11. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000. [Soplenkov S.V. Doroga v Arzrum: rossijskaya obshchestvennaya mysl o Vostoke (pervaya polovina XIX veka) [The road to Arzrum: Russian public thought about the East (the first half of the 19th century)]. Moscow, 2000.]
 12. Танышина Н.П. Русофобия. История изобретения страха. М., 2023. [Tanshina N.P. Rusofobiya. Istoriya izobreteniya straha [Russophobia. The story of the invention of fear]. Moscow, 2023.]
 13. Gleason J.H. The genesis of russophobia in Great Britain. A study of the interaction of policy and opinion. Cambridge, 1950.
 14. MacFarlane Ch. *Dictionary of National Biography*. Vol. 35. L., 1893. Pp. 74–75.
 15. MacLean G.M. The rise of Oriental travel. English visitors to the Ottoman Empire. 1580–1720. L., 2004.

Статья поступила в редакцию 30.05.2025, принята к публикации 15.07.2025
The article was received on 30.05.2025, accepted for publication 15.07.2025

Сведения об авторе / About the author

Ковалёв Максим Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории, археологии и краеведения Гуманитарного института, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; научный сотрудник отдела всеобщей истории, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Maxim A. Kovalyov – PhD in History; associate professor at the Department of History, Archeology and Local History of the Humanitarian Institute, Vladimir State University; researcher at the Department of General History, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: mkovalyov.89@mail.ru